

Лев Толстой – интерпретатор изречений Иммануила Канта о совести

Герасимова Светлана Валентиновна¹

¹Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина / Московский политехнический университет, Москва, Россия

¹Email:metanoik@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В наследии Льва Толстого есть описания гласа совести как Божественного Откровения и как естественного закона, действующего в природе человека. Цель статьи – поставить и раскрыть достойную дальнейшего изучения проблему: как в интерпретации гласа совести, звучащего в душах героев Толстого, конкурировали русская традиция, предполагающая божественный статус совести, и европейская просвещенческая концепция естественного откровения. Материалом для исследования послужили «Мысли Иммануила Канта, выбранные Л.Н. Толстым», также для анализа использованы эпизоды повести «Казачьи» и романов «Война и мир» и «Анна Каренина». Делается вывод, что Лев Толстой стал заложником идеи ненужности предсмертной исповеди, выраженной в одной из максим Канта, выбранных Толстым для перевода, и что просветительское естественное откровение победило в позднем творчестве Толстого русское традиционное восприятие совести как гласа Божьего.

Ключевые слова: Л. Толстой, И. Кант, категорический императив, естественная теология, откровение, исповедь.

Leo Tolstoy – An Interpreter of Immanuel Kant's Sayings About Conscience

Gerasimova Svetlana Valentinovna¹

¹Kosygin Russian State University / Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

¹Email:metanoik@gmail.com

ABSTRACT

Leo Tolstoy's legacy contains descriptions of the voice of conscience as Divine Revelation and as a natural law operating in human nature. The purpose of the article is to outline a problem worthy of further study. We must decide how the Russian tradition, which assumes the divine status of conscience, and the European enlightenment concept of natural revelation competed in the interpretation of the voice of conscience sounding in the souls of Tolstoy's heroes. The material for the study was «Immanuel Kant's Thoughts, Selected by L.N. Tolstoy»; episodes from the story «The Cossacks» and the novels «War and Peace» and «Anna Karenina» were also used for the analysis. It is concluded that Leo Tolstoy became a hostage to the idea of the uselessness of deathbed confession, expressed in one of Kant's maxims chosen by Tolstoy for translation, and that the Enlightenment natural revelation won out in Tolstoy's late work over the Russian traditional perception of conscience as the voice of God.

Keywords: L. Tolstoy, I. Kant, Categorical imperative, natural theology, revelation, confession.

Проблема совести в контексте кантианской философии мало исследована. Среди наиболее важных работ в этой области нужно отметить статью С. А. Нижникова, исследовавшего влияние Канта на учение Толстого о непротивлении злу силой и пришедшего к выводу, что «лишь при восприятии заповеди непротивления злу насилем (а не силой, как у Толстого) как абсолютной, и гибком осуществлении ее посредством совести в собственной жизни можно надеяться на то, что в мире уменьшится доля насилия. Толстой учил о непротивлении злу силой, но именно противление и необходимо. Недопустимо противление злу насилем, т. е. когда сила переходит в насилие, но возможно, а бывает и необходимо останавливать зло силой» [1, С. 137]. В более ранней работе этот же исследователь отмечает: «В связи с этим этическое учение двух мыслителей можно назвать «религией совести» [2, С.21]. Наиболее полно влияние Канта на духовные искания Л. Толстого представил А.Н. Кружков [3].

Для Иммануила Канта совесть и категорический императив становятся условиями доказательства бытия Божия. В русской традиционной культуре не феномен совести является условием и источником Богопознания, но бытие Божие осмысливается как источник человеческой совести. За разновекторностью этих путей от совести к признанию бытия Божия и, наоборот, от соприкосновения с Богом к «утончению» совести стоит различное отношение к откровению. Кант идет путем естественного откровения, благодаря которому и язычника могла осенить мысль о бытии единого Творца мира. Пример тому встречаем в житии великомученицы Варвары. Видимо, тем же путем шел Сократ, что стало одной из причин его казни. Созерцание гармонии мира, глубин души человека и потрясений истории традиционно считаются основными проводниками естественного откровения. Кант движется к теодицее через созерцание тайн души и совести человека и является представителем естественной теологии, которая в эпоху Просвещения в Германии утверждала, что каждый человек, по своей сути, наделен истинным знанием о Боге или, по крайней мере, способен его обрести.

В период Просвещения естественное богословие получило развитие благодаря трудам таких мыслителей, как Герман Самуил Реймарус и Христиан фон Вольф. Готфрид Лейбниц – не относивший христианство к естественной религии, ибо ее догматы не противоразумны, а сверхразумны. В XX веке темы естественной теологии были актуализированы в богословских спорах между Карлом Бартом и Эмилем Бруннером, которые исследовали соотношение природы и благодати. С точки зрения Роберта Кунса, естественное богословие также занимает важное место в лютеранской традиции, чьи богословы, различая закон и благодать, утверждают, что в плане закона такие сакральные сущности, как бытие Единого Бога, сотворение Им мира и Его закона, могут быть открыты разуму всех людей.

В наши дни идеи естественного откровения, или «естественного знания о Боге», развивает Алвин Плантинга [4, С. 47].

Русская культура XIX в., то есть времен Льва Толстого, опиралась на опыт сверхъестественного, благодатного, Евангельского откровения. Она признавала и признает таинство Сошествия на Пятидесятый день (на Троицу) благодатных языков огня на апостолов и истинность свидетельств Евангелия, ибо «божественный мир не только взирает на человека, а помогает соединиться со Христом» [5, С. 262].

Идеи сверхъестественного откровения развивал митрополит Филарет (Дроздов), который подчеркивал, что Божие Откровение является необходимым для понимания Божественной истины, непостижимой одним рассудком человека. Святитель Игнатий (Брянчанинов) акцентировал внимание на необходимости личного опыта Откровения через молитву и святыне таинства, способствующие Богообщению.

Сверхъестественное откровение воспринималось в русской культуре как Божественное вмешательство в человеческую историю, что подчеркивало уникальность и важность священных текстов, таких как Библия. Многие богословы того времени стремились показать совместимость разума и веры, ибо Откровение не противоречит разуму, а дополняет его, что позволяло выстроить диалог

между верой и знанием. Хранительницей Откровения, имеющей власть интерпретировать священные тексты и передавать учение через святые таинства, рассматривалась Церковь.

Естественная теология, с одной стороны, а с другой, – канонически русское, характерное для времени, когда жил Лев Толстой, благодатное Откровение и богословие, структурируют различные типы культуры и создают столь же различные представления о человеке.

Идея о том, что бытие Божие есть источник человеческой совести, развивалась в русском богословии на протяжении XVIII-XIX веков. Эта идея коренилась в понимании Бога как нравственного принципа, который воздействует на человеческую душу и формирует её моральные ориентиры. Например, святитель Филарет (Дроздов) говорил о совести как о внутреннем свидетельстве, которое помогает человеку различать добро и зло. Он указывал, что совесть является даром Божиим и проявлением Божественной истины в человеке.

Лев Толстой, как интерпретатор-переводчик изречений Канта с немецкого языка на русский, пять раз обращается к теме совести [6]. Первая цитата (№ 65) заимствована из «Was heibt sic him Denken orientiren» («Что значит ориентироваться в мышлении», 1786). Следующие три (№№ 148, 152, 165) – из «Die Religion innergalb der Grenzen der blaben Vernunft» («Религия в пределах только разума», 1793). А заключительная (№ 189), которой действительно завершается подборка изречений, относится к «Reflexion» (к «Рефлексии»).

Кантовские максимы из «Мыслей Иммануила Канта, выбранных Л.Н. Толстым» коррелируют с жизнью и творчеством писателя. Лев Толстой не просто переводил избранные места из творений Канта, но интерпретировал их на языке всей своей жизни, всей своей судьбы и души. Удивительным образом в перевод изречений Канта вплетаются исповедальные нотки. Особенно показательно изречение № 148, в котором писатель воспроизводит мысль, что предсмертная исповедь противоречит конечному смыслу, ради которого в человеке существует совесть.

Это изречение понятно только в контексте целостного мировоззрения Канта. Критикуя

чистый разум за его неспособность познать вещь в себе и дать человеку представление о своей собственной сущности, ибо человек сам для себя – вещь-в-себе, философ приходит к мысли, что, только соединенный с волей человека, разум обретает дар познания. Человек познает не только разумом, но чувственным опытом и интуицией. Еще одним феноменом, актуализирующим познание, становится совесть. Для Канта совесть служит указанием на существование Творца, на его необходимость. Во многих языках совесть связана со знанием. В русском языке слово «совесть» коррелирует с «вестью», в немецком «gewissen» (совесть) – со знанием (wissen), в английском – с наукой. Это сходство определяется влиянием на европейские языки классических языков. Греческая «совесть», этимологически связанная с «идеей» (формой – отсюда английское «framework» в значении «основа» и даже научная база («Theoretical Framework»), а не просто «рама»), латинская – с «гнозисом». Греческая «совесть» была калькирована при создании латинского термина и напрямую или через латынь повлияла на русский и европейские языки. Для наших культур связь совести и знания может быть признана архетипической. Следовательно, лишенная воли к действию, совесть утрачивает полноту бытия как орган познания Бога и способ преобразования феноменального мира и себя как ноумена к лучшему. Покаяние успокаивает совесть человека и лишает его стимула совершить те последние добрые дела, которые он мог бы сделать, чтобы загладить свою вину. Смысл существования совести в том, чтобы человек высшей своей волей выбирал добро и творил его, но успокоенная предсмертной исповедью совесть изменяет самой себе: она перестает внушать человеку волевой импульс – совершить в предсмертные часы как можно больше добра.

Кроме того, Кант отрицает исповедь, так как совесть призвана дать возможность человеку самосовершенствоваться, при этом нравственный императив, свобода и совесть человека признаются автономными. Категорический императив – это нравственный закон, вложенный в природу отдельного человека, поэтому Кант не учит следовать заповедям. Опыт их актуализирует, давая разуму возможность их постичь как

категорический императив и как закон, живущий в глубинах природы человека. Этот закон предписывает действовать таким образом, чтобы максима отдельного поступка могла стать всеобщим законом. Совесть у Канта рассматривается как внутренний голос разума, который помогает человеку осознать свои обязанности перед самим собой и другими людьми.

Мы видим грандиозную разницу в осмыслении высшего предназначения совести в контексте трудов Канта и духовной классики русской культуры. Если для Канта важно свободное следование категорическому императиву и автономия человека, то для русской культуры важна традиция старчества, наставничества, идея духовной преемственности, образующая золотую цепь святости, передающейся от учителя к ученику.

Толстой оказался не хозяином, а рабом собственного слова. Высказанное письменно, оно предопределило судьбу писателя.

В 3 часа ночи 28 октября (10 ноября по новому стилю) 1910 года Лев Толстой покинул Ясную Поляну, сопровождаемый словацким врачом Душаном Маковицким. Ему было более 80 лет, и он покинул дом в непогоду, забыв взять шапку. Поколебавшись, Толстой решил поехать в Оптину Пустынь, но к старцам не пошел, ждал (не без гордости), чтобы те сами почтили его визитом – и, не дождавшись, уехал в Шамордино повидаться с сестрой-монахиней. Но в Шамордино писатель заболел, и 30 октября его дочь Александра Львовна и доктор Маковицкий увезли его в Козельск, а затем все вместе отправились в Москву, однако на станции Астапово графу стало так плохо, что его поместили в дом начальника станции лютеранина И.И. Озолина, поэтому в комнате, ставшей последним пристанищем писателя, не было ни одной иконы. Пятого ноября специально приехавший в Астапово оптинский старец св. Варсонофий попытался посетить Толстого, но был отвергнут его дочерью, передавшей, что граф не желает встречи. Толстой умер без покаяния. Старец отправил телеграмму епископу Калужскому Вениамину о том, что Толстой скончался 7 ноября в 6 утра без покаяния. В другой телеграмме сообщалось о том, что, согласно воле графа, его тело будет

перевезено в Ясную Поляну и погребено без церковных обрядов. Может быть, Толстой в предсмертной немощи и хотел покаяния и не мог победить воли ближних. Власть над ним самим некогда написанного слова оказалась сильнее воли Толстого, и он умер, как и писал в «Мыслях Иммануила Канта...», без предсмертной исповеди.

Для Канта совесть – это проявление разума, осмысляющего человеческую природу и обретающего в ней категорический императив и чувство долга, поэтому она проявляется в актах доброй воли и в самосовершенствовании. В русской традиционной культуре совесть – встреча с Богом, путь к святости, к обожению. Человек не может себя совершенствовать сам. Совершенствование предполагает синергию Божьей помощи и человеческой воли.

Толстой выбирает самосовершенствование, но отрицает роль благодати в совершенствовании души. Это именно САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ, которое никогда не перейдет в святость, ибо из него никогда не уйдет самость. Наиболее полно эта идея развивается в максиме № 149, в ней не использовано слово «совесть», но имплицитно оно является основой всего изречения:

«Покаяние человека, который истязает себя, вместо того чтобы, воспользовавшись своим настроением, поскорее изменить к лучшему свой образ жизни, – это даром потраченный труд, и, кроме того, влечет за собою еще то дурное последствие, что человек считает, что он одним этим (т.е. раскаянием) погасил список своих долгов; таким путем он избавляет себя от стремления к самоусовершенствованию, которое при разумном отношении к делу должно бы теперь еще удвоиться» [6, С. 142-143].

Однако Толстой ратует не только за горячую, обеспокоенную совесть, требующую энергии для совершенствования мира и себя, Толстой предполагает, что человек на этом пути может достигнуть успеха и научиться жить согласно с требованиями совести, и тогда она успокоится:

«Есть два рода счастливого душевного состояния: 1) спокойствие духа и довольство (чистая совесть); 2) всегда веселое сердце» [6, С. 166].

Толстой верит, что этот плод самосовершенствования человек может обрести естественным образом, без помощи целительной благодати.

Толстой вслед за Кантом отмечает, что совесть не нарушает прав свободы мысли человека, но является ее гарантом [6, С. 82], учит, что человек призван к «свободе совести», поскольку Божество «создало людей для свободы» [6, С. 155], указывает, что основа совести – искренность [6, С. 145].

Лев Толстой, как представитель просвещенческого рационализма и естественного откровения на русской почве, воспринимает совесть в контексте естественного откровения. Совесть никогда не выходит за рамки естественных процессов, происходящих в природе человека.

В «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевский показывает, что голос совести может действовать в душе Раскольникова вопреки его убеждениям. Встреча с совестью оказывается мучительным чудом, о котором герой не подозревал. Толстой, напротив, делает акцент на естественных закономерностях, которые действуют в природе человека в согласии с его разумом. Писатель отрицает не только евангельскую весть о чуде Вокресения Христова, которое он исключил из собственного евангелия, и Церковь – хранительницу Откровения, но все сверхъестественное – даже благодать, совершенствующую и освящающую человека.

Откровения возможны в мире Толстого. Например, Оленин переживает в лесу озарение («Казаки»: гл. XXII). Но это естественное откровение. Оленин отправляется в лес на охоту. В этот день он уже устал от преследования добычи и решил просто отдохнуть, сидя на траве среди деревьев. Именно в этот момент с ним произошло нечто необычное – он почувствовал единство с природой и окружающим миром. Оленин ощутил, что все вокруг живо и взаимосвязано, включая его самого. Это состояние дало ему ощущение покоя и гармонии, которого он никогда раньше не испытывал.

Изречения Канта коррелируют не только с жизнью Толстого, но и с его творчеством,

причем даже с теми произведениями, что были написаны до духовной встречи с Кантом. Толстой долго шел навстречу философу, а когда встретил – принял его так глубоко, что многие его изречения стали частью жизни писателя.

Толстой как интерпретатор Канта в широком смысле слова делает кантовский нравственный императив центральным нервом личности своих героев.

Исполненный глубокого психологизма анализ действий совести в душах героев характерен для многих сцен в его романах, но наиболее ярко это видно в истории Наташи Ростовой, замаливающей свой грех после попытки убежать с Анатолом Курагиным; Анны Карениной, испытывающей глубокий стыд, вместо блаженства, в момент грехопадения, которое Толстой описывает как убийство, подчеркивая тем самым, что совершился смертный грех.

Толстой в зрелом творчестве, подобно Достоевскому, описывает встречу с совестью как с гласом Божиим в душах своих героев. Он становится глашатаем нравственного закона, о проповеди которого пишет:

«Что короли станут философствовать или что философы сделаются королями, на это нечего рассчитывать, этого и не следует желать, потому что обладание властью неизбежно губит свободное суждение разума. Но чтобы короли или облеченные властью (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не заставляли философов исчезать или умолкать, а предоставляли им свободно говорить, это необходимо обоим для освящения их деятельности» [6, с. 154].

Толстой ощутил себя новым пророком, проповедующим новое учение о совести. Его роль хорошо вписывалась в сюжетный фрейм гонимого философа или пророка, поэтому за сходством формы гений не увидел или не захотел увидеть разницы содержания.

Мы видим, что Толстой, колеблясь между традиционной русской культурой, основанной на благодатном Откровении, и философским требованием естественных доказательств и откровения в духе Канта, склоняется к европейской традиции естественного откровения и философской теодицеи.

Важнейшая функция культурных институтов – «обеспечение преемственности» [7] – в сознании Толстого вытесняется мыслью о непонимании гения и гонимом пророке, с которой так трудно оказалось расстаться даже в предсмертной исповеди.

педагогики к осуществлению научно-исследовательской деятельности // Концепт. 2013. № 4. 12 (декабрь). С. 4. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13264.htm> (дата обращения: 31.01.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Нижников С.А. Принцип непротивления злу силой Л. Толстого и моральный ригоризм И. Канта: идеал и действительность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13. № 1. С. 132-139.
- [2] Нижников С.А. Противиться ли злу силой: проблема морали в философско-политическом дискурсе // Электронное научное издание. Альманах. Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivitsya-li-zlu-siloy-problema-morali-v-filosofsko-politicheskom-diskurse/viewer> (дата обращения: 12.06.2025)
- [3] Круглов А.Н. Афоризмы И. Канта в творчестве Л.Н. Толстого // Мысли Иммануила Канта, выбранные Л.Н. Толстым. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 3-38.
- [4] Гаспаров И.Г. Sensus Divinitatis и естественное знание о Боге // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 47-59.
- [5] Герасимова М.П., Алибекова М.И., Белгородский В.С. Культурный код в пространстве современного человека, русский стиль – истоки дизайна // Вестник славянской культуры. 2024. № 2 (72). С. 254-268. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-254-268>
- [6] Мысли Иммануила Канта, выбранные Л.Н. Толстым /Предисл. и примеч. А.Н. Круглова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 256 с.
- [7] Бондаренко Н.А. Профессиональная подготовка магистров социальной